

УДК 821.161.1'0.09

ББК 83.3(2=Рус)3

П 16

Панеш С.Р.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и журналистики Адыгейского государственного университета, e-mail: susi@inbox.ru

Капец О.В.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и журналистики Адыгейского государственного университета, e-mail: susi@inbox.ru

К вопросу изучения «Жития Петра и Февронии»

(Рецензирована)

Аннотация:

Рассматривается взаимосвязь древнерусской литературы и фольклора на примере «Жития Петра и Февронии» (XVI в.) Ермолая-Еразма. Выявляется и анализируется сходство повести с произведениями устного народного творчества, в частности, с волшебными сказками. Отмечается, что являясь оригинальным произведением, «Житие» мало напоминает повествование подобного рода, так как в нем сочетаются элементы жития (чудеса при жизни героев и после их смерти) и волшебной сказки (змеборчество, Агриков-меч, загадывание и отгадывание загадок). В процессе анализа прослеживается, что сюжетообразующим материалом послужила легенда о мудрой девушке-крестьянке, излечившей князя от болезни и впоследствии ставшей его женой, имеющая фольклорные корни, которые проявляются как в сюжете произведения, так и в отдельных его эпизодах. В целом же, полученные результаты могут представлять интерес в изучении, анализе и сопоставлении произведений древнерусской литературы, художественных текстов, поскольку во многих произведениях данного периода обнаруживаются фольклорные мотивы.

Ключевые слова:

Петр, Феврония, житие, агиография, волшебная сказка, житийный жанр, боярство, фантастика, устное народное творчество.

Panesh S.R.

Candidate of Philology, Associate Professor of Literature and Journalism Department, the Adyghe State University, e-mail: susi@inbox.ru

Kapets O.V.

Candidate of Philology, Associate Professor of Literature and Journalism Department, the Adyghe State University, e-mail: susi@inbox.ru

On studying «Petr and Fevroniya's life»

Abstract:

The authors explore the interrelation of Old Russian literature and folklore using an example of «Petr and Fevroniya's life» (16th century) by Ermolai-Erazm. The publication reveals and analyzes similarity of the story with works of folklore, in particular, with magic fairy tales. Being the original work, «Life» reminds a little narration of this sort since in it

elements of life (miracles during lifetime of heroes and after their death) and magic fairy tale (fight with a snake, Agrikov-sword, a propounding and solving riddles) are combined. In the course of the analysis it is found that the plot-forming material was the legend about the wise girl peasant who cured the prince of a disease and subsequently became his wife. This legend has folklore roots which are displayed both in a work plot and in its separate episodes. In general, the obtained results can be of interest for those who study, analyze and compare works of Old Russian literature, fiction texts, since in many works of that period folklore motives are found.

Keywords:

Petr, Fevroniya, life, hagiography, magic fairy tale, saints' lives genre, nobility, fantasy, folklore.

Своеобразным и оригинальным произведением житийного жанра является «Житие Петра и Февронии» (XVI в.). В Житие нет мотивов религиозного подвижничества, и оно не укладывается в рамки житийного жанра. Его называют сказанием, повестью, легендой. В жанровом отношении произведение является сплетением жития и народной сказки. Для изображения героев, форма жития не подходила, и в поисках новой жанровой формы была сделана попытка создать ее путем сочетания приемов житийного письма с народной сказкой. Однако привести к органическому единству такие различные приемы не получилось, и произведение осталось лишь не выдержанным в жанре житием. «Легенда о Петре, – пишет Ключевский В.О., – не может быть названа житием ни по литературной форме, ни по источникам, из которых почерпнуто ее содержание; в истории древнерусской агиографии она имеет значение только как памятник, ярко освещающий неразборчивость, с какою древнерусские книжники вводили в круг церковно-исторических преданий образы народного поэтического творчества» [1: 287].

Главные герои, Петр и Феврония, не подвижники, не имеют ничего общего с житийными героями, полем их деятельности является дом, княжеская вотчина, семья. Петр, брат муромского князя, вначале совершает подвиг, напоминающий подвиг фольклорных змееборцев: убивает змея-оборотня, прилетающего к княжеской жене (былинный богатырь Алеша

Попович убивает Тугарина – Змея, овладевшего женой киевского князя Владимира). В описании эпизода борьбы со Змеем автор «Жития Петра и Февронии» использует заимствованные детали из фольклорных сказок: выведывание у жены князя «от чего ему смерть хочет быти», герой добывает оружие – Агриков меч, которым можно убить змея в монастыре, в скважине алтарной стены. Обычный для народного эпоса эпизод в «Житии Петра и Февронии» становится христианско – житийным: змей-оборотень является исчадием ада, злым духом: *«Искони же ненавидяй добра роду человеку диавол всели неприязненного летяща змия к жене князя на блуд»* [2: 225]. Эпизод женитьбы героя тоже является сказочно-народным: спасение героя мудрой девицей-простолюдинкой, нарушение Петром обещания жениться, повторное спасение и т.д. [3: 150-153].

Образ Петра изображается то с помощью красок народной сказки, то красками житийного жанра, но они не связываются с характером главного героя, не являющегося ни былинным богатырем, ни сказочным царевичем, ни христианским подвижником. Подлинный облик героя вырисовывается после свадьбы, когда он после смерти брата становится державным князем: *«Благоверный же князь Петр по брате своем един самодержецу бывает граду своему»* [2: 228]. Сказочный князь-змееборец в ходе повествования становится «благоверным князем», который и в семейном, частном быту, об-

шественной деятельности, в отношениях с супругой воплощает в жизнь идеал христианского праведного поведения, встречающего сопротивление со стороны строптивого боярства. Недовольные его женитьбой на простолюдинке Февронии бояре, потребовали расторжения брака, поставив его перед выбором: или уйти вместе с женой в изгнание, или остаться князем, расставшись с женой: *«Блаженный князь Петр не возлюбил временного самодержавства, кроме божьих заповедей, но по заповедям его шествуя, держащиеся сих, яко же благогласный Матфей в своем благовестии вещает. Рече бо, яко «иже аще пустит жену свою, разве словеси прелюбодейного, и оженится иною, прелюбы творит. Сей же блаженный князь по евангелию сотвори: одрѣжаніе свое, яко уметы [грязь], вмени, да заповеди божия не раздрушит» [2: 229].*

Князь Петр – строитель христианской, благодетельной для народа жизни, «злочествию бояра», действующие против него по внушению дьявола, преследуют корыстные цели во вред общественным интересам: *«Враг бо наполни их мыслей яко, аще не будет князь Петр, да поставят иною самодержцем кийждо бо от бояр в уме своем держаще, яко сам хочет самодержцем быти» [2: 242].* С уходом Петра и Февронии общество окунается в пучину кровопролитной анархии, угрожающей общей гибелью и лишь с возвращением Петра и Февронии устанавливается мир и благоволение истинно христианского правления: *«И беху державствующе в граде том, ходяще во всех заповедях и оправданиях господних бес порока, в молбах непрестанных и милостынях и ко всем людем, под их властью сущим, аки чадолюбивии отец и мати. Веста бо ко всем любовь равну имуще, не любяще гордости, ни граблениа, ни богатства тленного щадяще, но в бог богатеюще. Веста бо своему граду истинна пастыря, а не яко наемника. Град бо свой истинною и кротостию, а не яростию*

правляще. Странные приемлюще, алчные насыщающе, пагия одевающе, бедныя от напасти избавляюще» [2: 242].

При всех своих положительных качествах князь Петр не похож на религиозного подвижника житийной литературы. «Ореол святости плохо вяжется с героем трогательного романа, вся жизнь которого протекает в семейном кругу, в заботах по управлению своей вотчиной. История его жизни не столько житие, сколько бытовая повесть» [4: 143].

Главная героиня «Жития», Феврония, напоминает волшебниц из народных сказок. Именно она должна исцелить князя Петра от болезни, которая с ним случилась после того, как кровь убитого им змея попала на его тело: *«Прииде к некоего дому вратом и не видя никого же; и вниде в дом и не бе бо, кто бы его чюл. И вниде в храмину и зря видение чюдно: сидяше бо единая девица, ткаше красна, пред нею же скача заецъ. И глаголя девица: «Нелепо есть быти дому безо ушю и храму безо очю!». Юноша же той не внят в ум глагол тех, рече к девице: «Где есть человек мужска полу, иже zde живет?». Она же рече: «Отец и мати моя поидоша в заем плакати; брат же мой иде чрез ноги в нави зрети». Юноша же той не разуме глагол ея, дивляшеся, зря и слыша вещь, подобну чюдеси» [2: 229-230].*

Феврония – дочь простого крестьянина, «древолазца», живущего бортническим промыслом, т.е. собиранием меда диких пчел, знахарка. Благодаря своим знаниям сумела вылечить князя и стать его женой. Облик сказочной девы меняется, когда Феврония становится княгиней, появляются черты христианской праведницы: пришедшаяся не по нутру боярам женитьба князя на дочери «древолазца» не плодом чародейной мудрости, а «богу прославляющую [ее] добраго ради жития ея». Она то кудесница из сказки, прячущая в рукава объедки, то святая, из рукавов которой высыпаются «ливан (ладан) добровонный и фимиами» [2: 237], что

придает ей христианскую святость.

К концу повествования Феврония предстает идеальной женой князя, доброй христианкой, незаурядной женщиной высшего круга феодального общества, пользующейся уважением мужа и, впоследствии, боярства, с антипатией относящегося к ней. Она добродетельна и умна. Свой незаурядный ум и мудрость проявляет в трудных и опасных ситуациях: когда бояре убеждают князя Петра предложить Февронии покинуть княжение, взяв с собой любые сокровища, которые пожелает, она расстраивает их замысел, требуя в качестве единственного сокровища своего мужа.

Ее исключительный ум проявляется также на судне, увозившем ее с мужем в изгнание, когда среди их свиты оказался человек, который возжелал ее как женщину. И из этой ситуации Феврония находит выход, предложив ему испить воды сперва с одного борта судна, затем – с другого и спросив потом: чем отличается вода, испитая с разных бортов. Мудрость и достоинство Февронии вызывают благоговение перед ней, показывая ее как человека с печатью святости, о чем говорят происхо-

дящие чудеса. Гонимой праведницей предстает она в глазах автора, читателя, мужа и всего общества. Тем не менее, в образах главных героев, Петра и Февронии, не хватает религиозности и подвижнического духа. Они обычные мирские люди, занимаются домашним бытом, подвержены волнениям и тревогам житейской суеты. И только перед смертью уходят они из светского мира в монастырь, принимают постриг, в котором не было ничего похожего на христианский подвиг.

В событиях, происходящих в жизни Петра и Февронии, нет ничего напоминающего религиозность. Они больше фантастичны и носят волшебный характер.

В «Житие» врываются разрушающие этот жанр элементы светской бытовой повести, которая в XVII в. займет в литературе место господствующего жанра. «Житие Петра и Февронии» еще не стало такой повестью, но является приближающим к ней шагом, поскольку в этом произведении житийная форма наполняется элементами имеющей светский характер народной сказки и зарисовками картин и сцен светской, бытовой жизни.

Примечания:

1. Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. 479 с.
2. Скрипиль М.О. Повесть о Петре и Февронии. // Труды отдела древнерусской литературы. Т. VII. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 215-256.
3. Панеш С.Р. Поэма-сказка и ее традиции (А. Гадагатль, Х. Беретарь, И. Машбаш и др.) // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. Майкоп, 2013. Вып. 3. С. 150-155.
4. Переверзев В.Ф. Литература Древней Руси. М.; Л.: Наука, 1971. С. 140-147.

References:

1. Klyuchevsky V.O. Old Russian Lives of the Saints as a historical source. M., 1871. 479 pp.
2. Skripil M.O. The Tale of Peter and Fevronia // Proceedings of the Department of Old Russian literature. Vol. VII. M.; L.: Publishing House of the USSR AS, 1949. P. 215-256.
3. Panesh S.R. The poem-fairy-tale and its traditions (A. Gadagatl, Kh. Beretar, Mashbash I., etc.) // Bulletin of Adyghe State University. Ser. Philology and the Arts. Maikop, 2013. Iss. 3, P. 150-155.
4. Pereverzev V.F. Literature of Ancient Rus. M.; L.: Nauka, 1971, P. 140-147.